

мыслью о смерти нет ничего общего. Смерть очень редко воспринимается как освобождение, тогда как самоубийство — это всегда «пароксизм спасения».

■ Желание бежать неведомо куда рождается из любопытства, от переизбытка нерастраченных сил, от одиночества или из страха перед собственной свободой.

■ Стон, вызванный болью, — это универсальный символ, взывающий к состраданию и к солидарности. Но с другой стороны, ничто так не обостряет сознание индивидуальности как переживание собственного страдания.

■ Когда я исполняю чью-то роль, то я представляю другого в себе, не забывая при этом и себя в другом.

■ Не один лишь человек может жить, не подчиняясь законам большинства, но только человек способен воспринимать эту непокорность как знак собственного отличия.

■ Признать заслугу человека — значит вдохнуть в него новую жизнь.

■ Только неисправимый игрок пытается в слепой случайности отыскать намек на будущую удачу.

■ Нередко доблестные поступки или необычайные похождения совершаются в расчете на будущие повествования о них. Когда мы становимся участниками или свидетелями необычайных событий, наше удивление подогревается тем, что мы воображаем себя в роли будущих рассказчиков необыкновенных историй.

■ Смерть коллеги ввергает меня в тоску, вызванную, в том числе и пониманием неизбежности прихода моей собственной смерти, хотя эта тревога отчасти компенсируется смутным удовлетворением: ведь умер-то Петр, ведь это он лежит в гробу, а я, его переживший, худо-бедно пребываю во здравии, а стало быть, наслаждаюсь сознанием того, что я пока еще жив. Несмотря на печаль, вызванную смертью коллеги, мы ощущаем особое желание

жить тогда, когда другой, причастный к нашему бытию, навсегда «уходит» от нас.

■ От пастуха бытия к «роботу существования» — так можно вкратце охарактеризовать магистральное направление развития человека в истории.

■ У старости — лишь одна альтернатива, и это дает пожилому человеку право спокойно относиться к своему возрасту.

■ Бескорыстному преклонению перед величием классиков минувших эпох мы обязаны верой в преимущество настоящего перед прошлым.

■ Случайность — это проявление хаоса или откровение судьбы?

■ Для хронического больного его жизнь — это история его болезней.

■ Пренебрежение будущим ведет к восприятию прошлого как чего-то завершенного, что искажает смысл истории.

■ Последнее слово о судьбе никогда не проносит ее носитель; это делает за него кто-то другой и, как правило, не всегда объективно.

■ Кого не может убедить разум, того, возможно, сумеет образумить время.

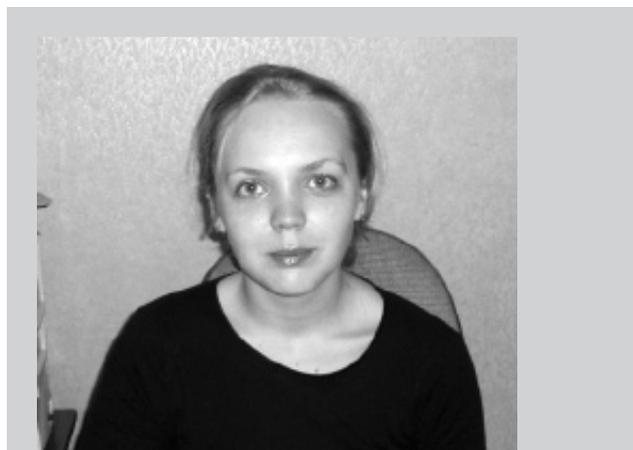
■ Существует два противоположных человеческих типа в восприятии исторического времени — «хронофобы» и «хронофилы». Если первые проклинаят эпоху своих отцов и дедов, восторгаясь достижениями настоящего, то вторые идеализируют время своих предков и беспощадно обличают упадок современной жизни.

■ Когда человек стремится к осуществлению своих планов, он чаще всего не слишком задумывается об их возможных негативных последствиях. Надежда заслоняет собой зло, которого почти никогда и никто не ждет. Коварство судьбы подобно грому с ясного неба.

■ Если гении обгоняют свою эпоху, а таланты идут в ногу со своим временем, то остальные бегут за ним вдогонку.

Е.А.Гаврилова

РОМАНТИЗМ И ЖЕНЩИНЫ ВОСТОКА: МЕЧТЫ О ГЮЛЬЧАТАЙ В СЕГМЕНТЕ ИСКУССТВА

Евгения Андреевна Гаврилова,
выпускница факультета искусствоведения
Уральского государственного университета

Быть человеком полезным — вещь гнусная, — так относились к главному постулату буржуазной морали калькулятивных людей представители критической реакции на одномерность человека и бездуховность прозаизма жизни — романтики. Однако романтизм — не только дух противоречия, но еще и тотальная связь с обществом потребления: романтики могли позволить себе быть романтиками только в одном случае — когда на этот весьма затратный вид спорта были отложены соответствующие сбережения, появившиеся не как манна небесная, а путем долговременного вращения предков в ненавистном буржуазном обществе. Характеристики представителя романтизма: соответствующий внешний вид (помните, как переживал Грушницкий по поводу не слишком подходящего наряда к образу Денди), эстетическо-непрактичная ориентация интересов, нескрываемый сплин, сплошная беспросветная ангедония и, конечно, путешествия. Покинуть проклятую Европу в поисках чистых и незапятнанных сверхприбылью истоков человеческой духовности. К

тому же, попутный ветер дальних странствий так впечатляюще развеивает волосы, когда, погрузившись в думы о смысле жизни (и смерти), одиноко стоишь в живописной позе на носу корабля, как на краю Вселенной. Убежать от старого фальшивого мира с продажными политиками, друзьями и женщинами.

Экстенсивный путь поиска вылился в образ Чайльд-Гарольда Байрона, это источник вдохновения для жанра путешествий в литературе и кино (Горец Ламберта — отражение принципа «Чайльд Гарольд forever»). Несмотря на то, что советское литературознание записывает Героя Лермонтовского Времени в реалистические персонажи, Печорин слишком крупноформатный персонаж для реалистического романа. Думается, Михаил Юрьевич изобразил не назидательный образ, каким мальчику быть не надо, а для низкорослого и кривоногого поэта Печорин был идеалом, которым он сам желал бы стать. Ареол антигуманистического масштаба личности, постепенное обнажение внутренней сущности Печорина, ладно скроенной из металлических конструкций индивида ницшеанского сверх-человека-еще-не-совсем-бога, но уже управляющего судьбами всех пересекающихся на нем судеб, фаталистического дуэлянта, вызвавшего на поединок рок, совсем не рыцаря, но без страха и упрека. Если Байрон — путешествие космополита, то роман Лермонтова — психоаналитическое путешествие в странную страну субъективного порядка. Гофман же разрушает мирный уклад правильности, мажорства и белых носков немецкого «общества просвещенных котов», находя за фасадом благопристойности гротески-фэнтези, неуместные, как мечи на космическом лайнере.

О женщинах... здесь действует принцип средневековых рыцарских романов: любовь должна быть невозможной, лучше с некрофильским уклоном — ибо мертвая дама — идеальный тип женщины, как телевизор — высшая степень эволюции мужа. К тому же вид одинокого молодого и привлекательного человека в черном, с цветами, среди живописных развалин старого кладбища соответствует стратегии личного поведения. Чувствуете? Эгоизм буржуа против эгоизма романтика — столкновение одного гиперэгоцентризма с другим мегагиперэгоцентризмом. Особенно отчетливо тема невозможной любви читается в готике Эдгара По — уж он-то знал толк в безжизненных женщинах, а еще в сомнамбулах, восставших мертвецах и пр.

Был и другой — менее (или более?) экстремальный путь — здесь на передовую турбулентного потока любви выходит восточный мир с его представительницами прекрасного пола, не тронутым грязным миром выгоды и наживы. «Кавказская греза» русской литературы золотого века проникнута очарованием межкультурной коммуникации периода посткультурного шока. Чем же так притягательно личико за паранджой (Гюльчатай...) — во-первых, конкретно тем, что оно за паранджой, во-вторых, возможностью постижения нового, удовлетворением честолюбия героя-любownika и кругозора дилетанта-этнолога. А также возможность педагогической миссии — начать процесс окультуривания заново, стать «богом единственного мира». Восток открывал для романтизма горизонты великих географических открытий в области штудирования и усвоения. Открытая Америка жизненного уклада Востока не могла

оставить равнодушным искусство, результатом этих штудий стало шизофреническое увлечение восточными мотивами всех отраслей искусства — от полотен великих Маэстро, до ковроткачества-шпалеропроизводства.

Для начала сходим в «Турецкую баню» Энгра, которая у нормального человека вызывает неловкость, а у вуайериста — восторженный масштаб желаний. Картина построена в порнографической манере «подглядывания в замочную скважину», несет дух «взгляда украдкой». Построение отражает тогдашнее отношение Запада к Востоку: атмосфера недосказанности, неверия, почти ксенофобия. Перетекание тел в круговороте вариативных типажей женской красоты, не совсем приличные ласки, свойственные эвристике гаремного события обще-жития, бесстыдность и, одновременно, целомудрие, возбуждение и нега, и чувство жара, и круговая композиция как отражение вечных смен и совершенства, и экстрагирование мужчины. Он — вне, он — созерцатель, более того — он жюри. Среди огромного числа тел на полотне ему, как в жизни, нужно выбрать свой тип идеальной женской красоты. Подобно ситуации в анекдоте: у меня в жизни была одна большая любовь, внученька, — моряки. Телесность «Бани» иного плана, нежели ню Ренессанса, это уже торится тропинка к «Олимпии» Мане — нагота как мотив бытового жанра, это уже стежка-дорожка к эротически пошлым календарям и открыткам, которые новобранцы берут с собой, дабы не отвыкнуть в армии от женских прелестей. «Одалиска и рабыня» руки Энгра чуть причисленной, но тоже несет оттенок невинного лесбийского откровения — предвкушающе-соблазнительная поза «белая дама ждет», развлекающая и убажывающая ее чернокожая музыкантша... не извращение — стереотипно-привлекательная для Запада норма: Восток — дело тонкое.

Для рождения мятежных мыслей, идущих дальше банальных фраз типа «бегство от обыденности в мир необычной тематики», Делакруа написал своих «Алжирских женщин» слишком колоритно и экзотично. Заманчиво, неглубоко, почти не сексуально. Намного перченее и несколько трагически перенапущенно полотно Делакруа «Смерть Сарданапала». Восток здесь вновь характеризуется круговоротом человеческих тел, но нега Делакруа другого плана — это нега мук и насилия, очерченный движением ножей верных царю убийц Фрейдовский Танатос. Картина, безусловно, сексуальна, но это сексуальность, свойственная эпистеме Маркиза де Сада, визуальное потребление насилия ставит нас в дурацкое положение сообщников Сарданапала со своеобразным кодексом чести, сродни обычаям казаков пристреливать коней, дабы не достались чужакам. Почти слышен треск лопнувшего с досады буржуа — растрата! Беспольная, неоправданная растрата... Делакруа нащупал в обществе, которое делает ставку на накопительство в счет завтрашнего дня, на обеспеченное, но не беспечное будущее, лагуну, где всеобщая матрица гаснет, — праздник смерти, обильное жертвоприношение, трата в счет «сегодня» всего, что можно было сохранить и приумножить. А как, черт побери, хороши погибающие наложницы царя! Но и они, увы, принесены в жертву восточному менталитету.

Тематика Востока разрабатывалась сотнями других авторов, но менее известных, поскольку менее талантливых — Декан «Улица на Востоке»,

Фромантен «Соколиная охота в Алжире». Особая парадигма этики, эстетики, затягивание в бездну и выныривание из бездны. Европейцы XIX века не учитывали того, от чего предостерегал Ницше — когда мы вглядываемся в бездну, бездна вглядывается в нас. Сегодня-то до нас этот тезис до-

шел, оттого-то мы звоним в полицию, обнаружив «ничейный» пакет на улице, боимся конвертов и без сибирской язвы, надеваем марлевые повязки при необходимости свидания с китайцами... и не без возбуждения смотрим танцы живота.

М.Потапова

СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ И РАЗЛИЧИЯ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Тема гендерных отношений наверно одна из наиболее популярных, если не сказать «заезженных», на сегодняшний день. Хотелось бы поговорить, в первую очередь, не о правомерности одной из существующих точек зрения. Проблема скорее в том, что существующее в нашем обществе противопоставление социальных ролей мужчины и женщины является одной из основных причин дисгармонии внутри этого самого общества. Сознательно или нет, но на всех социальных уровнях, внутри всех социальных групп так или иначе мужчине отводится роль «главы», а женщина понимается, скорее, как существо зависящее. Сами женщины при этом скорее согласны с таким «зависимым» положением, поэтому следует сказать, что тут было бы неправильно говорить о каких бы то ни было «ущемлениях». Но все же причины такого распределения социальных ролей интересны, а поэтому необходимо их определить.

В прошлом о социальном равенстве между мужчиной и женщиной не могло быть и речи. Женщина изначально обладала ограниченной сферой деятельности, в которую входило выполнение определенного круга обязанностей: жены, матери, хозяйки дома. Для рассмотрения различия социальных ролей интересно обратиться к некоторым историческим источникам. Так, в Божественном Откровении для обозначения первочеловека, еще не расчлененного на мужчину и женщину андрогина употребляется слово «Адам». Но так же обозначается и первый мужчина, появившийся в результате расчленения райского андрогина. Женщина же, «Ева» априори не является равной «человеку» т.к. создана из его ребра, т.е. производна от «Адама» (человека). В Ветхом Завете так же можно найти интересные мысли по поводу социальных ролей женщины, там, например, существует такой «ценностный ряд»: «...не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его». В Индии, если муж умирал раньше, жена должна была сжечь себя на его погребальном костре, впрочем в этой стране женщины до сих пор молятся о двух вещах: чтобы умереть раньше мужа, и чтобы во всех последующих рождениях ей был дарован этот же мужчина. Но можно обратиться и к более «цивилизованной» с европейской точки зрения стране — Древней Греции. Древние греки воспевали женскую красоту в скульптурах, украшая ими свои великолепные храмы, но в реальной жизни приносили женщин в жертву, продавали, если они были лишними. Остальные были лишь безмолвными домохозяйками — не могли принимать участие в управлении городом, обладать

Мария Потапова — студентка Ростовского государственного педагогического университета (Ростов-на-Дону)

собственностью, защищать себя в суде.

Испокон веков мужчина считался полноценным человеком, а женщина была объектом его власти. Пифагор писал: «существует положительный принцип, который создал порядок, свет, мужчину и отрицательный принцип, создавший хаос, сумерки, женщину». Аристотель так высказывался по этому поводу: «женщина — это самка в силу определенного недостатка качеств...женский характер страдает от природной ущербности...женщина — есть только материя, принцип движения обеспечен другим, мужским началом, лучшим, божественным». Христианство, бесспорно, показало множество иных, если можно сказать, «более прогрессивных» путей развития, по иному посмотрело на человека, на мужчину, женщину. Но в то же время, можно с уверенностью сказать, что земная женщина для христианства вовсе не равня мужчине, она греховна, как греховна ее прапраматерь Ева «сообщница дьявола, орудие темных сил», обрекающая человека (мужчину) на изгнание из рая.

Если говорить о нашем обществе, то оно изначально развивалось как общество, ориентированное на мужчину, женщина — приложение. Нет, конечно, ей и цветы, и серенады, и «луну с неба» — но главное — знай свое место, дом, дети, их воспитание. Думается, что трудность и опасность этого дела никому доказывать не надо. На заре развития медицины женщина вела скрытую, но очень серьезную войну за выживание челове-